

UNITED WISDOM

Феминистская эпистемология: опыт и требования к обоснованию

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-32-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Феминистская эпистемология: опыт и требования к обоснованию

Эпиграф

> *«Ценности, следовательно, не свободны от науки».*

Элизабет Андерсон, «Uses of Value Judgments in Science» (2004), с. 11. Собственный перевод: “Values are therefore not ‘science-free.’” Автор обсуждает возможность проверять оценочные суждения по опыту, а не подчинять исследование неизменной ценности. Авторская копия статьи.

О чём эта статья

На совещании сравнивают результаты новой рабочей схемы. Таблица показывает выигрыш времени. Сотрудница спрашивает, учли ли часы, которые теперь уходят на помощь коллегам после окончания смены. Ей отвечают: «Нам нужны факты, а не личный опыт». Но её вопрос касается именно состава фактов: какую работу вообще решили считать?

Феминистская эпистемология исследует, как положение людей влияет на доступ к сведениям, признание их компетентности и устройство обоснования. Она не обязана утверждать, что женщина всегда права, а опыт отменяет проверку. Напротив, её сильный вопрос состоит в том, достаточно ли надёжен способ проверки, который заранее исключает определённый опыт. Статья различает рассказ о пережитом, объяснение причин и общий вывод; показывает, почему ценности могут направлять поиск, сохраняя открытый результат; рассматривает спор и несогласие как часть знания. Итог полезен за пределами гендерной темы: принять человеческое свидетельство всерьёз можно без безусловного согласия со всеми выводами рассказчика.

I. Положение даёт доступ, но не выдаёт готовой истины

Человек знает ситуацию из определённого места. Это место включает выполняемую работу, телесные возможности, язык, отношения и доступ к документам. Начальник видит бюджет подразделения; сотрудник — сбои ежедневной процедуры; клиент — то, что происходит после завершения внутреннего отчёта. Ни одна из этих картин не становится полной только благодаря искренности наблюдателя.

Понятие расположенного знания (situated knowledge) помогает поставить вопрос об этом доступе. В академическом обзоре Элизабет Андерсон оно является центральным для феминистской эпистемологии. Разные направления объясняют положение знающего субъекта по-разному; теория точки зрения, феминистский эмпиризм и постмодернистские подходы не образуют одного ответа. Андерсон, «Feminist Epistemology and Philosophy of Science», введение и раздел 1.

Практический смысл различения можно увидеть без большого термина. Если человек ежедневно пользуется плохо спроектированной дверью, у него есть доступ к повторяющейся трудности, которой не видно на чертеже. Это даёт основание исследовать дверь. Но из трудности ещё не следует единственное объяснение: проблема может быть в высоте ручки, усилии открывания или устройстве прохода. Опыт указывает на событие, исследование уточняет условия.

Поэтому важно не перескочить от доступности сведений к непогрешимости. Участник лучше знает некоторые стороны своей ситуации и может ошибаться в других. Посторонний способен увидеть закономерность и пропустить существенный контекст. Надёжная процедура соединяет возможности, не заставляя одну из сторон заранее отказаться от участия.

В начале статьи сотрудница не потребовала принять её готовую теорию. Она указала на работу, отсутствующую в таблице. Ответить можно проверкой: кто выполняет эту работу, сколько она занимает, учитывалась ли прежде? Положение человека стало ресурсом для нового вопроса. Оно не заменило доказательство — оно помогло обнаружить, где доказательство пока недостаточно.

II. Опыт состоит из нескольких утверждений

Рассказ о пережитом редко является одним простым фактом. В нём соединены событие, чувство, значение и объяснение. Если слушатель принимает или отвергает всё сразу, он теряет возможность точного обсуждения. Уважение начинается с разделения, которое сохраняет важное, а не обесценивает человека.

Условная фраза «меня не слушают, потому что я женщина» содержит как минимум несколько частей. Человек сообщает о повторяющемся опыте невнимания; описывает значимость этого опыта; предлагает причинное объяснение. Первую часть можно уточнить через конкретные эпизоды, вторую — через собственный рассказ, третью — через сравнение и проверку альтернатив. Причина не подтверждается одной силой переживания, но сила переживания делает вопрос существенным.

Такая работа легко становится несправедливой, если её требуют только от некоторых людей. Одному достаточно сказать «в команде проблема», от другой требуют подробный

журнал каждого случая. Тогда формальная любовь к данным прикрывает неравный порог доверия. Проверять нужно не только рассказ, но и симметрию требований к рассказчикам.

Обратная ошибка — объявить всякое уточнение нападением. Без уточнения разные участники могут использовать одни слова для разных событий. Человек говорит о перебивании, слушатель понимает несогласие, третий — отказ выполнить предложенное решение. Они спорят о правоте до того, как согласовали предмет. Вопрос «что именно произошло» позволяет сохранить опыт и сделать его совместно обсуждаемым.

Полезна последовательность: сначала дать человеку закончить описание, затем отделить наблюдение от объяснения, после этого предложить проверку. Если начать с опровержения причины, рассказчик может услышать отрицание события. Если закончить одним сочувствием, событие так и не станет основанием изменения. Хорошее обсуждение удерживает обе задачи: человеку позволено сообщить то, что он знает, а участникам позволено проверить вывод, который из этого знания предлагается сделать.

III. Нейтральный вопрос уже имеет границы

Исследование выбирает, что считать проблемой. Этот выбор не делается самими данными, потому что данные ещё предстоит собрать. Можно изучать скорость обслуживания или удобство для людей с ограниченной подвижностью; удовлетворённость руководителя или качество работы после передачи клиенту. Каждая постановка открывает одни сведения и оставляет другие за пределами.

В условной оценке рабочего графика исследователь спрашивает, сколько задач завершено за смену. Человек, отвечающий за ребёнка после работы, спрашивает о предсказуемости окончания смены. Оба вопроса способны получать проверяемые ответы. Второй не перестаёт быть исследовательским потому, что связан с определённой жизнью. Первый тоже не становится свободным от ценностей: в нём выбран интерес к производительности.

Это различие помогает избежать ложного выбора между холодными фактами и субъективными пожеланиями. Факты нужны, но их состав зависит от вопроса. Ценности могут объяснять, почему вопрос стоит задавать. Они не должны заранее определять его ответ. Можно считать предсказуемость графика важной и всё же обнаружить, что предложенная реформа её не улучшает.

Андерсон в статье 2004 года проводит границу между ценностями, помогающими исследованию, и ценностями, которые направляют его к заранее установленному выводу. Этот критерий позволяет обсуждать феминистский интерес без автоматического обвинения в предвзятости и без освобождения от проверки. Андерсон, с. 11.

Следствие довольно строгое. Исследователь обязан показать, какой вопрос поставлен, почему он значим и что считалось бы неудобным результатом. Если любой исход объявляется подтверждением исходной идеи, проверка отсутствует. Если же значимый интерес приводит к новым наблюдениям и допускает пересмотр, он способен улучшить знание. Не беспристрастный вид вопроса, а его связь с открытой процедурой определяет, выполняет ли он исследовательскую работу.

IV. Слово «женщины» не описывает одну жизнь

Гендерная категория помогает замечать некоторые отношения, но не заменяет описание людей. Работа, доход, возраст, язык и семейное положение меняют доступ к событиям. Если различия убрать, теория начнёт говорить от имени тех, чей опыт фактически не исследован.

Представим три условные участницы обсуждения рабочего времени. У одной есть возможность работать удалённо; другая обязана присутствовать на месте; третья получает оплату только за выполненный заказ. Одинаковое правило гибкости даст разные последствия. Недостаточно спросить, поддерживают ли женщины гибкий график. Нужно понять, какую возможность называют этим словом и кто несёт риск неопределённости.

Поэтому опыт требует множественного числа. Один рассказ может обнаружить важную проблему, но не представляет весь класс людей. Даже убедительное общее различие не позволяет уверенно предсказать жизнь отдельного участника. Для конкретной ситуации снова нужны сведения, а не применение категории по внешнему признаку.

Здесь полезно различать политическое объединение и исследовательскую однородность. Люди могут совместно добиваться доступа к образованию, не имея одинаковых убеждений и потребностей. Общая цель не требует общего внутреннего устройства. Исследовательская процедура должна оставить место разногласиям внутри группы, иначе она воспроизведёт исключение под новым названием.

Крайность с другой стороны тоже мешает: если различия между людьми велики, из этого не следует, что общие ограничения никогда не существуют. Нужно устанавливать уровень вывода. Можно обоснованно обсуждать правило, которое ограничивает определённую категорию, и одновременно не приписывать каждому её члену одну реакцию. Хорошее понятие открывает проверку, плохое закрывает её. Слова «женский опыт» полезны, когда ведут к точному вопросу о распределении возможностей; они становятся пустыми, когда подменяют чтение реальных рассказов заранее сочинённым портретом.

V. Особый доступ не равен особому статусу во всём

Человек, столкнувшийся с определённым ограничением, может раньше увидеть его механизм. Однако из этого не возникает преимущество по любому соседнему вопросу. Уметь распознать препятствие и знать лучший способ изменения — разные способности. Каждая требует своих оснований.

В условном проектировании транспорта пользователь точно описывает, что не может самостоятельно пересесть на нужную линию. Инженер знает ограничения конструкции, организатор — расписание, другой пассажир — проблему вечернего доступа. Если один голос объявить окончательным по всем вопросам, проект потеряет часть сведений. Если пользовательский опыт исключить, инженерная точность окажется точностью решения неправильно поставленной задачи.

Надёжное распределение авторитета следует за предметом. В рассказе о собственной трудности человек имеет доступ, которого нет у внешнего наблюдателя. В причинном объяснении требуется сравнение. В выборе решения нужны последствия для разных участников. В окончательной оценке следует вернуться к реальному использованию. Такие этапы не обесценивают опыт; они помогают ему изменить действие.

Мэри Уолстонкрафт связывала самостоятельность с развитием суждения, а не с обменом одной власти на другую. Её аргумент об образовании полезен как историческая опора права участвовать в рассуждении. Он не создаёт современной теории исследовательских привилегий. «В защиту прав женщины», глава IV.

Поэтому уважение к опыту должно быть точным. Не «вам виднее всё», а «у вас есть сведения об этой стороне, которых у нас нет». Такая формулировка сохраняет авторитет и позволяет обозначить границу. Люди не обязаны становиться непогрешимыми, чтобы их знания учитывали. Напротив, возможность ошибаться без потери статуса собеседника — важное условие реального участия. Иначе признание оказывается хрупким подарком, который отнимают после первого неудобного уточнения.

VI. Несогласие тоже может быть данными

Различные рассказы не обязательно опровергают друг друга. Они могут описывать разные части процесса или разные условия участия. Если исследователь слишком быстро ищет единую среднюю историю, он теряет именно тот материал, ради которого расширял круг источников.

В условной команде новая система отчётности кажется полезной большинству. Два человека считают её неудобной. Их недовольство не доказывает общий провал, но и большинство не делает его несущественным. Возможно, они выполняют особый тип

работы, который форма не учитывает. Проверка начинается с различия задач, а не с обвинения меньшинства в сопротивлении изменениям.

Есть предел этого подхода. Несогласие может быть основано на ошибочном ожидании, непонимании процедуры или конфликте интересов. Оно не становится доказательством только потому, что принадлежит меньшинству. Но оно остаётся поводом установить причину. Даже ошибочный рассказ иногда показывает, что инструкция не объясняет важное условие.

Здесь требуется различать спор о факте и спор о критерии. Участники могут согласиться с числом завершённых задач, но расходиться в том, достаточно ли оно описывает успех. В первом споре собирают сведения. Во втором объясняют выбранные цели и последствия. Если смешать их, одна сторона начнёт отвечать таблицей на вопрос о справедливости, другая — ценностным возражением на вопрос о правильности подсчёта.

Исследование выигрывает, когда фиксирует эти уровни. Можно сохранить установленный факт, открытый причинный вопрос и несогласие о критерии одновременно. Не каждый конфликт должен немедленно закончиться общей формулой. Иногда точный результат заключается в том, что стало понятно, о чём именно стороны расходятся. Это более сильное знание, чем искусственный консенсус, в котором различие исчезло только потому, что часть участников перестала говорить.

VII. Добрые намерения не проверяют вывод

Исследование, защищающее людей от несправедливости, может ошибаться. Его цель объясняет значимость работы, но не подтверждает конкретную причинную гипотезу. Признать это необходимо и для достоверности, и для уважения к тем, ради кого работа ведётся.

Представим условный проект, который должен уменьшить неравную нагрузку. После изменения часть задач действительно распределилась иначе, однако общая нагрузка выросла. Если авторы сообщают только первый результат, благоприятная история становится неполной. Если называют любой отрицательный эффект доказательством ещё более глубокой проблемы, гипотеза перестаёт встречаться с возражением.

Полезно заранее записать разные возможные исходы. Улучшение по одному признаку, отсутствие изменения, ухудшение по другому, различный эффект для подгрупп. Такая запись не делает исследование бесчувственным. Она уменьшает вероятность, что желаемый результат заставит забыть реальное последствие.

Особенно важна возможность пересмотреть предложенное средство, сохранив цель. Если забота о доступности приводит к неудобной процедуре, можно признать неудачу процедуры без отказа от доступности. Когда цель и средство сливаются, критик средства выглядит врагом цели. Тогда общественный интерес начинает защищать ошибку, которую сам должен был обнаружить.

Эта дисциплина распространяется и на слушателя. Человек может поддерживать равенство, но не соглашаться с конкретным объяснением эпизода. Его несогласие требует довода, а не автоматического оправдания хорошими намерениями. Рассказчик, со своей стороны, вправе попросить назвать основание сомнения. У всех участников сохраняется одна обязанность: делать переход от опыта к выводу видимым. Сильная нравственная позиция не отменяет этого перехода; она делает особенно важным не причинить людям вред неверно выбранным действием.

VIII. Проверка должна иметь понятную цену

Собрать дополнительные сведения не означает бесплатно расширить знание. Кто-то вспоминает неприятные события, тратит время, заполняет форму и отвечает на уточнения. Если эту работу не замечать, исследование может использовать чужой опыт, не давая человеку реального участия в результате.

В условной организации сотрудниц просят ещё раз описать повседневные трудности. Такие описания уже собирали дважды, но никто не сообщил, что изменилось. Третья просьба встречает отказ. Было бы неверно заключить, что у людей нет содержательных сведений. Отказ может относиться к процедуре: время расходуется, а связь между свидетельством и действием не видна.

Хороший запрос на опыт объясняет назначение, предел и следующий шаг. Зачем нужна эта информация? Как её проверят? Что будет опубликовано, кому доступно и можно ли отказаться? Здесь нет необходимости превращать каждый разговор в сложный договор. Чем выше чувствительность и цена участия, тем яснее должны быть условия.

Достоверность тоже выигрывает от ясности. Если человек опасается наказания, он может выбирать безопасную формулировку. Если не понимает назначения вопроса, отвечает на другой. Если ему предлагают только неподходящие варианты, сведения становятся удобными для таблицы и неточными для ситуации. Такие ошибки нельзя полностью исправить последующим подсчётом.

Вовлечение означает также возврат результата. Не обязательно согласовать каждую фразу со всеми участниками. Но полезно показать, какое различие установлено, какое осталось неизвестным и что изменится. Человек тогда видит, что его рассказ не исчез в очередном архиве. Феминистская эпистемология здесь становится вопросом устройства

знания: как превратить доступный опыт в проверяемое основание, сохранив достоинство, свободу и понятную роль того, кто этим опытом поделился.

При обсуждении чувствительных условий полезно также различать публичность основания и публичность личности. Проверяемый вывод требует достаточных сведений о процедуре, но не всегда требует раскрыть имя рассказчика всем участникам. В небольшом коллективе даже удаление имени может не обеспечить неузнаваемость, если детали указывают на одного человека. Поэтому обещание конфиденциальности должно соответствовать реальной ситуации. Иногда безопаснее начать с ограниченного описания процесса и отдельно договориться о доступе к конкретным эпизодам. Это не даёт права публиковать непроверенное обвинение. Оно позволяет искать необходимые сведения, не превращая риск для участника в цену самой возможности быть услышанным. Если достаточная проверка невозможна в доступных условиях, вывод сохраняют ограниченным. Можно признать необходимость дополнительного исследования и временно изменить обратимое рабочее правило, не объявляя установленной причину, которой пока нет. Такой результат честнее и увереннее, чем требование полного раскрытия любой ценой или отказ учитывать опыт из-за невозможности немедленно предъявить его публично.

IX. Обоснование можно сделать совместным

Проверка становится сильнее, если её правила доступны участникам. Нужно понимать, какие сведения считаются релевантными, кто может возразить и что происходит после возражения. Формальное приглашение к обсуждению мало значит, если ответ заранее определён.

Хелен Лонгино в своём контекстуальном эмпиризме связывает качество сообщества с возможностью критики и её реальным учётом. Это философская нормативная модель, а не доказательство, что любой разнообразный коллектив автоматически прав. Лонгино, «Cognitive and Non-Cognitive Values in Science», с. 39–40.

Практически можно сделать видимыми три вещи: основание текущего вывода, содержание возражения и решение по нему. Возражение либо меняет вывод, либо обоснованно отвергается, либо остаётся открытым вопросом. Запись этих исходов не требует принимать все мнения. Она не позволяет молча заменить рассмотрение вежливым выслушиванием.

В условной команде участница указывает на неучтённое время. Руководитель просит сравнить несколько смен. Проверка показывает, что проблема существует только при определённом типе заказов. Итог сужается, но не исчезает. Результат точнее исходной

общей жалобы и полезнее первоначальной общей таблицы. Каждая сторона внесла то, к чему имела доступ.

Совместное обоснование не всегда создаёт эмоциональный комфорт. Данные могут опровергнуть желаемое объяснение, а новый вопрос — поставить под сомнение привычный порядок. Однако понятная процедура уменьшает необходимость спорить о личном достоинстве. Участнику можно сказать, что гипотеза не подтверждена, сохранив признание его опыта и права предложить следующий вопрос. Именно эта устойчивость отличает знание от поощрительного согласия: участие не прекращается, когда ответ оказался неудобным для одного из участников.

X. Внутренняя работа начинается с собственного порога доверия

Каждый слушатель заранее оценивает людей. Манера речи, образование, знакомость и уверенность помогают ориентироваться, но могут незаметно заменить рассмотрение сообщения. Самонаблюдение полезно там, где оно обнаруживает конкретное различие в собственных требованиях.

В условной беседе один человек говорит спокойно и получает доверие. Другой волнуется и получает просьбу доказать каждую деталь. Возможно, сомнение обоснованно; возможно, волнение связано с важностью предмета. Чтобы понять это, нужно отделить форму рассказа от доступных оснований. Спокойный тон не делает сообщение верным, а напряжённый не делает его ложным.

Можно спросить себя: какое обстоятельство заставило меня снизить доверие? Относится ли оно к содержанию? Потребовал бы я того же от другого участника? Что изменило бы мою оценку? Последний вопрос особенно важен. Если никакое свидетельство не способно изменить мнение, проблема лежит уже в устройстве слушания.

При этом самообвинение мало помогает. Человек может признать привычку, уточнить вопрос и пересмотреть вывод без создания нового портрета собственной испорченности. Различение направлено на действие: дать закончить фразу, попросить пример, сравнить требования, вернуть ранее пропущенное сообщение в обсуждение.

Феминистская эпистемология не требует каждый раз определять скрытую идентичность рассказчика. Она приглашает исследовать отношения доступа и признания. Внутренняя работа состоит в способности заметить, когда вы назвали чью-то жизнь «личным опытом», а сходный рассказ другого человека — «практическим знанием». Это не доказательство несправедливости любого случая. Это точка, где можно начать проверку

по содержанию, вместо того чтобы уверенно считать собственную привычку нейтральным судом.

XI. Опыт должен изменять вопрос, а не только украшать ответ

Иногда исследование сохраняет чужие истории, но использует их только как эмоциональные примеры заранее принятой теории. Рассказ становится украшением результата. Человеку дали слово, однако его сведения не получили возможности изменить направление работы.

Проверить это можно по следу в выводе. Какой новый вопрос возник после свидетельства? Какую категорию пришлось уточнить? Что перестали считать одинаковым? Если ответы отсутствуют, стоит посмотреть, действительно ли опыт участвовал в обосновании. Не каждый рассказ обязан менять теорию, но процедура должна допускать такое изменение.

Вернёмся к начальной таблице. Сотрудница указала на вечернюю помощь коллегам. Исследователь может добавить её реплику во вступление и сохранить прежний показатель эффективности. Может также пересмотреть единицу учёта и отделить завершение задачи от полной затраты времени. Второй шаг труднее: он меняет устройство ответа. Именно поэтому он способен дать новое знание.

В результате личное и общее перестают быть непроницаемыми мирами. Частный рассказ помогает обнаружить проверяемое условие; проверка возвращает рассказу более точную формулировку. Общее не обязано поглотить личное, а личное не обязано становиться законом. Между ними работает рассуждение, которое видно и доступно для возражения.

Такой подход сохраняет строгие требования к знанию. Он расширяет вопрос о том, откуда поступают основания и кто имеет возможность их предложить. Опыт получает место в исследовании, а результат остаётся открытым. Когда эти два условия удерживаются вместе, разговор о положении человека становится способом улучшить обоснование, а не способом заранее определить победителя спора.

Что это значит на практике

В ближайшем содержательном разговоре попробуйте выделить три уровня: что человек сообщает о событии, как он его переживает и какое объяснение предлагает. Не нужно вслух раскладывать каждую реплику на схему. Достаточно не принять сомнение в причине за отрицание всего опыта.

Если вы проверяете утверждение, назовите проверяемый вопрос. Например: «появилась ли дополнительная работа после изменения» или «одинаково ли мы учитываем предложения разных участников». Укажите, какое наблюдение помогло бы различить ответы. Попросите только те сведения, которые способны изменить решение; повторное описание ради формальности расходует время и доверие.

Посмотрите на собственные критерии. Кому вы верите без уточнения, а от кого требуете подробностей? Есть ли содержательное основание для различия? Если сомнение связано с опытом, доступом или прежней надёжностью человека, его можно объяснить. Если оно связано только с непривычной манерой речи, лучше начать с уточнения.

Для совместной работы сохраните один след рассмотрения: сообщение, проверку, результат и дальнейшее действие. Вывод может подтвердиться, сузиться или остаться неизвестным. Все три исхода допустимы. Важно, чтобы участие рассказчика не исчезло после неудобного ответа и чтобы цель исследования не закрывала возможность отрицательного результата.

Наконец, отделите уважение от согласия. Можно признать, что человек знает существенную сторону ситуации, и продолжить проверку общего объяснения. Можно отвергнуть гипотезу, сохранив событие и важность переживания. Эта способность делает опыт настоящим источником знания: его слышат достаточно внимательно, чтобы он мог изменить вопрос, и исследуют достаточно честно, чтобы он не обязан был подтвердить заранее выбранный ответ.

Ключевая цитата

> *«Вести исследование к заранее установленному выводу».*

Элизабет Андерсон, «Uses of Value Judgments in Science», с. 11. Собственный перевод фрагмента: “drive inquiry to a predetermined conclusion”. Автор называет это критерием недопустимого действия ценностных суждений. Цитата выражает предел, а не рекомендацию. Статья.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство и граница
Феминистский эмпиризм ↔ обычная проверка гипотезы	Оба требуют открытого результата. Гендерный вопрос меняет состав исследуемых условий, а не отменяет данные.
Расположенное знание ↔ практическая компетентность участника	Доступ зависит от отношений с предметом. Особый доступ не означает непогрешимости по всем вопросам.
Андерсон: ценности и исследование ↔ Уолстонкрафт: самостоятельное суждение	Важна способность рассуждать, а не слепо подчиняться. Исторические моральные основания Уолстонкрафт не тождественны современной философии науки.
Лонгино: учёт критики ↔ совместное обсуждение рабочего правила	Возражение должно иметь возможность повлиять на вывод. Организационный пример не является научным экспериментом.
Множественность опыта ↔ общий политический интерес	Общая цель совместима с разными жизнями. Солидарность не подтверждает исследовательскую однородность группы.

Первоисточники и исследования

1. Elizabeth Anderson. Uses of Value Judgments in Science: A General Argument, with Lessons from a Case Study of Feminist Research on Divorce. Hypatia 19(1), 2004, 1–24. Прочитаны фрагменты с. 9–12, особенно критерий с. 11; цитаты и граница допустимой роли ценностей. Исследование разводов непосредственно здесь не пересказывается.

2. Elizabeth Anderson. Feminist Epistemology and Philosophy of Science. Прочитаны введение и раздел 1; карта подходов и понятие расположенного знания.

3. Helen E. Longino. Cognitive and Non-Cognitive Values in Science: Rethinking the Dichotomy (1996), с. 39–58. Прочитаны фрагменты с. 39–41; краткая опора необходимости реального учёта критики.

4. Mary Wollstonecraft. A Vindication of the Rights of Woman, глава IV. Историческое сопоставление самостоятельности суждения и права на образование; не источник современного эмпирического результата.

Теги

феминистская эпистемология, опыт, обоснование, расположенное знание, Элизабет Андерсон, Хелен Лонгино, Мэри Уолстонкрафт, феминистский эмпиризм, теория точки зрения, данные, ценности, объективность, свидетельство, доступ, доверие, самостоятельность, гендер, критика, участие, гипотеза, причинность, разногласие, проверка, исследовательский вопрос, интерпретация, равенство, ответственность, труд, солидарность, открытый результат

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.